

Чу Бинхуань не знал, как на это реагировать.

Хуа Чэ серьёзно торопил его:

— Возьми бумагу и напиши разводное письмо, быстро!

Чу Бинхуань спокойно анализировал ситуацию. Хуа Чэ бредил из-за температуры, и его слова были смесью воспоминаний. Эта странная сцена, вероятно, была из какого-то детского спектакля или соседской потасовки, которую он запомнил и теперь воспроизводил в своём бреде.

По расчётам Чу Бинхуаня, к утру температура должна была спастись, так что ничего страшного.

— Ты не ешь, я напишу! — Хуа Чэ, напротив, засуетился.

Он поднял с земли ветку, решив использовать её как кисть, забыв про чернила, и начал водить ею по песку, после чего смущённо обернулся к Чу Бинхуаню:

— Как вообще пишут разводное письмо?

Зная, что Хуа Чэ просто временно сошёл с ума, Чу Бинхуань не спешил. Но оставлять его в таком состоянии было нельзя, и он вдруг осенила идея.

Чу Бинхуань достал из «Вселенной в рукаве» кисть, чернила и бумагу:

— Я буду диктовать, а ты пиши.

Хуа Чэ с подозрением бросил ветку и покорно кивнул:

— Хорошо.

Чу Бинхуань начал, его голос был ясен:

— Два рода соединились браком, один союз скрепили. Добрый союз навеки, равные в нём.

Хуа Чэ сосредоточенно писал, его движения были уверенными.

Чу Бинхуань внимательно наблюдал:

— Свидетельствую.

Хуа Чэ закончил письмо, и Чу Бинхуань быстро забрал лист бумаги, на его губах промелькнула лёгкая улыбка.

Хуа Чэ, выглядевший как обиженная жена, пробормотал:

— И это всё?

— Ещё нет, — Чу Бинхуань с удовлетворением смотрел на «разводное письмо».

Несмотря на скромное происхождение Хуа Чэ, он получил хорошее образование, был мастером каллиграфии, музыки и живописи. Его почерк мог бы вызвать восхищение даже у современных художников.

Хуа Чэ забеспокоился:

— Разводное письмо готово, почему ещё не конец?

— Ещё нужно вернуть свадебный документ, — Чу Бинхуань серьёзно объяснил. — Верни свадебный документ, и всё кончено.

— Хорошо.

Хуа Чэ, который в бреду даже не отличал разводное письмо от свадебного, вряд ли мог вспомнить, что свадебный документ уже был возвращён.

Он послушно начал шарить по карманам, случайно открыл «Вселенную в рукаве», и свадебный документ с шумом упал на землю.

Чу Бинхуань быстро поднял его.

В документе были указаны дата рождения, место происхождения и три поколения предков.

Хуа Чэ взял фамилию матери, и его семья не была бедной. По крайней мере, до того как Хуа Мэйэр попала в беду, она была знатной девушкой из влиятельной семьи.

Его дед по материнской линии был единственным нетитулованным князем предыдущей династии, а бабушка была отшельницей, которая, как говорили, была героиней, не уступающей мужчинам. Дед долго ухаживал за ней, и после десяти лет усилий она наконец согласилась выйти за него замуж. Их свадьба была грандиозной, и на следующий год родилась Хуа Мэйэр.

Хуа Мэйэр изменила имя после того как попала в бордель. В свадебном документе Хуа Чэ было указано: мать — Хуа Сыцзинь.

Семья потеряла своё положение, и все её члены были казнены, а потомки страдали.

— Это неправда! — Хуа Чэ выхватил документ, всё ещё находясь в бреду. — Что этот император вообще может? Моя бабушка одним заклинанием могла спасти всю нашу семью и увести нас в мир культивации. Пусть у него будет тысяча армий, он ничего не сможет сделать!

Чу Бинхуань вздрогнул, но, видя, что Хуа Чэ всё ещё бредит, успокоился.

Он понимал, что для культиваторов обычные люди слишком слабы. Даже если император обладал огромной властью, он мог править только в мире смертных, но не в мире культивации.

Конфискация имущества и казнь семьи могли сработать против других, но не против семьи Хуа Чэ.

— А твоя семья... — В прошлой жизни Чу Бинхуань никогда не поднимал эту тему, не из-за отсутствия любопытства, а из-за страха задеть болезненную тему для Хуа Чэ. Но сейчас тот был в бреду и всё равно ничего не запомнит.

Хуа Чэ таинственно подозвал его пальцем, и Чу Бинхуань машинально приблизился.

— Уничтожение семьи, — Хуа Чэ приблизился к его уху, как будто рассказывал о чужой семье, спокойно сказал. — Я слышал от мамы, что её семья была уничтожена демоническими культиваторами. Они убили всех, даже собак и кур!

Сердце Чу Бинхуаня сжалось.

Когда все осуждали Хуа Чэ как сына Владыки Демонов, кто-нибудь задумывался о его чувствах, его горечи и негодовании?

Его мать и вся её семья погибли от рук демонических культиваторов. Ненависть Хуа Чэ к ним была не меньше, чем у любого другого!

Его отвращение к наследию Инь Ухуэй было сильнее, чем у кого бы то ни было!

Чу Бинхуань сжал кулаки, чувствуя себя разрываемым на части:

— Хуа...

— Мертвец! Где ты положил разводное письмо? Дай мне его, я повешусь на нём!

Чу Бинхуань...

Петух пропел рассвет, и температура Хуа Чэ спала.

Он всю ночь был в бреду, первые часы ещё что-то помнил, а потом всё стёрлось.

Хотя чувство потери памяти было неприятным, Хуа Чэ проснулся бодрым и полным сил. Его рана уже не болела, и, сняв повязку, он увидел, что она начала заживать.

Лекарства Юньтянь Шуйцзин были известны своей эффективностью во всех шести мирах, а у культиваторов шрамы не оставались. Такая рана заживёт за несколько дней.

Обернувшись, он увидел Чу Бинхуаня, который, несмотря на свой обычный спокойный вид, казался в хорошем настроении.

— Ледяной, — Хуа Чэ окликнул его. — Вчера я...

Обнимал, плакал, смеялся?

Память была слишком смутной, Хуа Чэ лишь смутно помнил, как бежал к реке, а потом его кто-то крепко держал.

Чу Бинхуань нахмурился, думая, что Хуа Чэ просто разыгрывал сцену из спектакля, но оказалось, что он всерьёз взял «разводное письмо» и попытался повеситься. Чу Бинхуань, чуть не потеряв рассудок от ужаса, спас его, но тот начал кричать, что бросится в озеро, а потом ещё и попытался укунить себя за язык. В итоге Чу Бинхуань просто ткнул его в сонную точку, и тот уснул, не просыпаясь до утра.

Чу Бинхуань холодно спросил:

— Не помнишь?

Хуа Чэ смущённо улыбнулся.

Бред во время температуры не всегда был беспочвенным, и Чу Бинхуань полунасмешливо спросил:

— Кто такой старый Ван?

Хуа Чэ растерялся:

— Какой старый Ван?

— Брат Хуа! Брат Чу! Ох, как же я вас искал! Внизу в Долине Ясной Луны несколько городов в хаосе, а вы тут отдыхаете, слишком...

Вот и старый Ван появился.

Чу Бинхуань холодно посмотрел на Мужун Са, который с испуганным лицом подбежал к Хуа Чэ:

— Брат Хуа, что с тобой? Ты ранен? Дрался?

Хуа Чэ усмехнулся:

— Не просто дрался, был на волосок от смерти, чуть не отправился в мир иной.

Мужун Са, в отличие от Хуа Чэ, не был таким бесстрашным, и даже от этого описания у него заколотилось сердце:

— А сейчас...

— Всё в порядке, спасибо нашему великому врачу Чу, — Хуа Чэ улыбнулся, почтительно поклонившись Чу Бинхуаню. — Спасибо за спасение, не знаю, как отблагодарить.

Чу Бинхуань хотел что-то сказать, но промолчал.

Мужун Са:

— А женись на нём, вот и отблагодаришь.

Чу Бинхуань и Хуа Чэ одновременно поперхнулись.

Мужун Са, убедившись, что с Хуа Чэ всё в порядке, продолжил шутить:

— Ну как, брат Хуа, всю ночь... небось, бездельничал?

Хуа Чэ посмотрел на него с укором:

— О чём ты? Мы ничего такого не делали.

— А если бы и делали? Вы же раньше были вместе, могли бы и возобновить отношения, — Мужун Са, как друг, с точки зрения Хуа Чэ серьёзно сказал. — Чу Бинхуань — отличный парень. У него хорошая семья, характер, высокая сила, а главное — врачебное мастерство. Если бы не он, ты бы сейчас тут не стоял.

Не будь слишком жадным, он уже достаточно хорош. Если ты с ним разошёлся, кого ещё искать? Бросать такой кусок мяса — это глупо.

Хуа Чэ торопил Мужун Са вести их, и трое отправились на встречу с Линь Янем. По пути Хуа

Чэ, уставший от болтовни Мужун Са, наконец сказал:

— Он хорош, но ты же видишь, каков я. Простой человек, без имени и добродетелей, и... ты знаешь, это не подходит.

Мужун Са запнулся, не зная, как его утешить.

Хуа Чэ понимал намерения Мужун Са и ценил его доброту, чувствуя теплоту в сердце:

— Ты, господин Мужун, узнав о моём происхождении, всё равно называешь меня «братом», за это я уже благодарен.

<http://bllate.org/book/15412/1362942>